

**ЭДМОНДО ДЕ
АМИЧИС**

NICHTS

Эдмондо де Амичис

Nichts

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452118

Аннотация

«Итальянское название гостиницы ввело его в заблуждение. Но не прошло и часа после его приезда, как он убедился, что за исключением хозяина и его семьи, все в гостинице были иностранцы и почти все немцы: и коридорные, и носильщики, и швейцар, и даже мальчик при подъемной машине. Он остался очень недоволен этим, потому что приехал в Леванто поразвлечься после серьезного огорчения, но, судя по началу, в этой гостинице ему не удастся завести ни одного приятного знакомства...»

Эдмондо де Амичис

Nichts

Итальянское название гостиницы ввело его в заблуждение. Но не прошло и часа после его приезда, как он убедился, что за исключением хозяина и его семьи, все в гостинице были иностранцы и почти все немцы: и коридорные, и носильщики, и швейцар, и даже мальчик при подъемной машине. Он остался очень недоволен этим, потому что приехал в Леванто поразвлечься после серьезного огорчения, но, судя по началу, в этой гостинице ему не удастся завести ни одного приятного знакомства. Он подошел к окну своей комнаты, выходявшему на берег, и ему показалось, что даже неподвижно расстилавшееся перед ним море было немецкое. Но оно было так прекрасно и вырезалось на далеком небосклоне такой чистой и ясной линией, а одинокий парус, точно белая птица, теряющаяся в далекой лазури на японской картине, так ласкал глаз своей грацией и ослепительной белизной, что мысль о ежедневном наслаждении этим видом рассеяла его неприятные впечатления. Увидя, что кровать стоит изголовьем к окну, он тут же решил велеть переставить ее так, чтобы каждое утро открывать глаза на эту ослепительную даль, успокаивающую все страдания.

По ошибке он нажал два раза вместо трех кнопку электрического звонка и вместо коридорного на пороге комнаты

появилась горничная.

Это была тщедушная немочка, на которую мать-природа поскупилась во всех отношениях, даже в смысле юношеской свежести; ее душа была еле прикрыта телом и, вдобавок, на одном из голубых окошечек этой души, маленьких и точно полузакрытых, было ярко-белое пятнышко, напоминавшее приклеенный, к зрачку кусочек бумаги. ее худое и бесцветное лицо, черное полинявшее платье, не первой чистоты передник и маленький чепчик, криво приколотый к растрепанным, более желтым, чем белокурым волосам, придавали ей вид несчастной послушницы, служащей чем-то в роде половой тряпки в монастыре, где на ее обязанности лежат все самые тяжелые работы. Но на лице этой обиженной судьбою девушки было выражение такой чистосердечной и мягкой доброты, что прежде чем заговорить, молодой человек одну секунду глядел на нее с чувством симпатии; она же опустила под его взглядом голову с робким и печальным видом, точно покорялась несправедливости природы, как все убогие и мягкосердечные люди, особенно в юношеском возрасте, при виде красивого человека.

– Я ошибся, – сказал молодой человек, – мне нужно коридорного.

Она ответила слабым голосом и с заметным немецким акцентом:

– Все равно. Прикажите, что вам угодно. Я готова на все. Наивность последней фразы вызвала у молодого человека

улыбку; она тоже улыбнулась, сама не зная почему, и показала свои некрасивые зубы, несколько не портившие, впрочем, ее симпатичной улыбки. Отпуская ее, он спросил, как ее зовут.

– Иустина, – ответила она и добавила, выходя: – к вашим услугам, синьор.

Как могла справиться эта бедняжка с трудной и утомительной работой в большой гостинице? Молодой человек был поражен, узнав, что она убирала одна все комнаты в первом этаже, и почувствовал к ней искреннее сострадание; но еще более он пожалел ее, услышав, что вся прислуга в гостинице называет ее не Иустиной, а Nichts (Ничего); это прозвище было дано бедной изможденной девушке из-за ее маленького роста и худобы. Ему было поистине тяжело видеть, как она спускалась по лестнице с горами белья на руках, изогнувшись назад, точно она готова была упасть на спину, или, когда она в полном изнеможении садилась на скамейке в коридоре, чтобы перевести дух. Бедная Nichts! И как быстро она работала! И с какою доброю улыбкой она спрашивала каждое утро, появляясь на пороге его комнаты:

– Могу я убирать вашу комнату, синьор?

Из чувства сострадания он стал обращаться с нею в высшей степени мягко и деликатно; в ответ на это она служила ему с удвоенным усердием и выказывала ему глубокое уважение, точно он был важный господин, много старше ее.

Сидя за письменным столом, он почти не слышал, как она

убирала его комнату, так осторожно она делала все, чтобы не помешать ему. Он слышал шуршанье половой и мебельной щетки, стук умывальной чашки и кувшина и легкий шум передвижаемых стульев, но не слышал ни ее шагов, ни дыханья. Ему казалось, что все делает какая-то тень. Иногда он думал, что ее уже нет в комнате и его заставлял встрепенуться, точно голос невидимого духа, ее внезапный вопрос: «Прикажете еще что-нибудь, синьор»? Впрочем, иногда он чувствовал ее присутствие в комнате. Но тогда она стояла неподвижно, вероятно, от усталости. Однажды он обернулся в такой момент и увидел, что она стояла и глядела на море с таким печальным видом что ему стало жаль ее, и он спросил:

– Вы устали, Иустина? Вас что-нибудь огорчает?

Она сейчас же опомнилась и ответила с улыбкою:

– Нет, я не устала и меня ничто не огорчает. Благодарю вас – и с усердием принялась за работу.

Желая выказать участие, он спросил однажды Иустину, откуда она. От этого вопроса глаза ее заблестели, как от ласки. Она стала рассказывать с большой живостью на итальянском языке, но с немецким построением фраз. Она была из Кельна, из семьи скромного чиновника, который умер молодым, оставив семью в нужде. Она должна была зарабатывать себе на пропитание и приехала горничною в Италию, в Ливорно, куда ее вызвала одна подруга, служившая уже горничной в гостинице. Когда она выучилась там немного по-итальянски, ее взяла к себе одна дама из Милана, чтобы пре-

подавать немецкий язык ее двум девочкам, и увезла с собою в Милан. Через три месяца дама уехала в Америку, и она снова осталась без всяких средств к жизни. Прочтя в газете объявление, что в Леванто требуется горничная, Иустина обратилась туда письменно с предложением своих услуг, была принята и приехала в эту гостиницу год тому назад. Тогда же она потеряла мать.

Молодой человек спросил, есть ли у нее братья и сестры. Иустина ответила утвердительно и, простояв секунду в раздумье, робко спросила:

– Позвольте показать их вам?

Не дожидаясь ответа, она исчезла из комнаты и через две минуты вернулась, запыхавшись, и положила на столик фотографии братьев и сестер с гордым видом, который молодой человек понял, увидя, что все они одеты, как господа.

– Все они живут хорошо, неправда ли? – спросил он.

– Да – ответила она тоном, в котором, кроме гордости, слышалась и печаль: – все они «лучше» меня.

– Благодарю вас, Иустина – сказал молодой человек, возвращая ей портреты. – Я очень рад, что узнал вашу семью.

– Я еще более рада этому, – ответила девушка. – Вы очень добры, синьор.

Начиная с этого дня он постоянно видел в ее глазах выражение благодарности и часто замечал, что ее взгляд ищет его. Оборачиваясь иногда на лестнице, он видел то ее плечо, то ленту чепчика, то край платья, исчезавшие где-нибудь за

дверью или за углом; он понимал, что Иустина приостанавливалась на секунду, чтобы взглянуть на него прежде, чем он заметит ее. Сидя иной раз в своей комнате у столика, когда она вытирала пыль с мебели, он видел одним глазом, как она махала метелкою в воздухе, ни до чего не дотрагиваясь, и понимал, что она глядит на него, делая вид, что работает. С каждым днем Иустина становилась все заботливее к нему. Однажды утром, когда он собирался выходить, она сказала ему с мягким упреком:

– Без пальто в такой дождь! Это нехорошо, синьор.

Увидя другой раз, что у него вылезает галстук, она протянула руку, чтобы поправить его, и немедленно отдернула ее, точно опомнившись; но в ее грациозном жесте было столько уважения к нему, что он был тронут, как от самого милого и приветливого слова.

С этих пор он стал чаще заговаривать с нею и расспрашивать ее о ее семье, о Кельне и о первых месяцах ее жизни в Италии. Она была, по-видимому, очень довольна таким отношением к себе и стала много разговорчивее, сражаясь с возрастающим пылом против трудностей итальянской грамматики. Но его внимание приковывали к себе не столько ее слова, сколько лицо, представлявшее для него загадку; он нередко спрашивал себя, в чем же в сущности кроется это трогательно-приветливое выражение и почему неправильные и неприятные для глаза черты производят на него впечатление красивого лица, покрытого уродливою маскою.

Он заметил, что при разговоре она всегда глядела на море с видом заключенного, который смотрит на него сквозь решетку, как на что-то невероятно далекое; казалось, что она видела в этой пустынной дали изображение своей собственной жизни и спрашивала у моря объяснения своей судьбы. Он понимал, что море должно было служить ей развлечением и утешением, поприщем, на котором ее мысль дышала свободно и искала лучшего будущего, единственной красотой и поэзией ее бедного существования. И посмотрев на море, она почти всегда заканчивала свою краткую речь – точно говорила сама с собой: – Бедная Nichts!

– Почему Вам дали это прозвище? – спросил ее однажды молодой человек; думая, что ей будет приятно предположить, что он не понимает причины.

– Потому что я такая, – ответила она с печальной улыбкой, в которой не слышалось, впрочем, ни малейшего чувства обиды, и указала глазами на свою тщедушную фигурку.

– Мне было бы очень приятно, синьор, – добавила она после некоторого колебания; – если бы вы тоже звали меня Nichts.

– Почему, Иустина?

– Не знаю, ответила она. Потому что это более... как бы сказать... *vertraut*... проще, фамильярнее...

Она делалась с каждым днем откровеннее с ним и перестала скрывать от него свои огорчения. Однажды утром он застал ее в слезах.

– Что с тобою, Nichts? – спросил он ее.

Это вырвавшееся у него «ты» вызвало у нее жест удивления и радости; она высказала ему всю правду и немного отвела душу с ним. Два последних дня она еле держалась на ногах от усталости. На ее обязанности лежала уборка восемнадцати комнат, и хорошо, если бы ей приходилось исполнять только необходимую работу. Беда была в том, что люди совершенно не считались с силами бедной Nichts. Не все посетители гостиницы были похожи на «синьора». Многие из них относились к ней без всякого сожаления и не знали границ злоупотреблению ее трудом, особенно дамы. Некоторые поминутно звонили и заставляли ее бегать по лестнице, чтобы закрыть ставни, положить сложенную газету под ножку столика, перенести из одного угла комнаты в другой пустой чемоданчик. Одна дама изучала итальянский язык и десять раз в день требовала ее, чтобы спросить у нее название какого-нибудь предмета. Это было свыше сил бедной Nichts. И когда она уставала, то еще глубже чувствовала всю печаль своего полного одиночества; подруг у нее не было, родственники почти забыли ее и очень редко писали ей, и в довершение всего здоровье ее расстроилось.

Он задумался, его огорчило, что он не находит для нее слов утешения, которые не казались бы ему общими вульгарными фразами. Она прочитала это чувство на его лице и сразу утешилась, воскликнув веселым голосом: – Впрочем, знаете, кто работает, тот всегда жалуется. Кроме того,

я чувствую себя лучше за последние дни. Здесь очень хороший воздух. Какой сегодня чудный день! Рыбная ловля будет удачная, вон все рыбацкие лодки! Поглядите, как легко они плывут.

Когда она обратилась к нему с обычным вопросом: – Прикажете еще что-нибудь, синьор? – из смутных воспоминаний о немецком языке, которым он занимался в молодости, внезапно выплыла в его памяти одна фраза, и он сказал в уверенности, что сделает ей приятный сюрприз: – Ich habe Nichts notig (мне ничего не нужно). Иустина быстро обернулась, и лицо ее засветилось детской радостью и удивлением, точно эти слова открыли ей кровное родство с ним. Она подумала, что он говорит по-немецки, но он сейчас же разубедил ее. После этого он постоянно искал в памяти другие немецкие фразы и каждый раз, как он произносил их, в ее глазах светились счастье и благодарность, точно он подарил ей цветок.

Однажды вечером в гостиницу из Милана приехали старый господин с дочерью – прехорошенькою барышнею, с которыми он познакомился за год до того на Комском озере. На следующее утро он поехал с ними прокатиться по морю в парусной лодке. Взглянув с лодки в бинокль на окно своей комнаты, он увидел облокотившуюся на подоконник Nichts. Он не мог разобрать направление ее взгляда, но понял что она смотрит на него и на его спутников. Когда он вернулся, Иустина с необычайным усердием убирала комнату и была веселее

обыкновенного, но держалась как-то неестественно и улыбалась принужденной улыбкою, которой он никогда не видел прежде на ее лице; все это очень удивило его, но особенно поразила его в ней странная разговорчивость, тоже более вынужденная, чем естественная. Но на этот раз он не придал всему этому большого значения.

Как-то другой раз, войдя однажды неожиданно в свою комнату, он застал Иустину разглядывающей полученный им в то утро и поставленный на комод портрет одной красивой дамы; на лице девушки так ясно отражалось смешанное чувство восхищения, грусти и печали, что он, не долго думая и не отдавая себе отчета в своих словах, сказал: – это моя сестра. – При этих словах лицо ее засияло; она продолжала глядеть на портрет и воскликнула со вздохом: – Как она красива!

– Иустина, – сказал молодой человек, пристально взглянув на нее – в лице женщины может быть что-то более красивое, чем то, что мы называем красотой, и это что-то женщина не может видеть в зеркале.

– В таком случае, – ответила девушка, не глядя на него – она не может знать... и даже думать, что у нее есть это что-то.

– Нет, может, потому что она видит отражение этого в глазах тех, которые разговаривают с нею.

Девушка поняла, поглядела на него и опустила голову с благодарною, но печальною улыбкою, точно она хотела ска-

зять: – Ах! Бедная Nichts! недостаточно такой красоты, которой не видно в зеркале.

Легкая тень подозрения мелькнула в его уме; на следующий день это подозрение перешло в уверенность.

Иустина принесла ему чистое белье и, протягивая руки, чтобы принять его, он нечаянно коснулся ее рук; она быстро отдернула их и покраснела до ушей.

Молодой человек сделал вид, что ничего не заметил, но когда она вышла из комнаты, он с задумчивым и почти суеверным любопытством поглядел на белье, открывшее ему секрет. Бедная Nichts! И как долго он не понимал этого. Она любила его!

Это несколько взволновало его. Но он скоро успокоился, убедившись по ее манере держать себя, по прежнему скромной и почтительной, что она не лелеет никаких надежд и намерений, никогда не скажет ни слова о своей любви и вполне примирилась с мыслью об одиночестве, живя почти отрезанною от всего мира. Его чувство нежности к ней возросло после этого. Иногда он начинал сомневаться и спрашивал себя, не кроется ли под его сострадательной нежностью начало другого чувства, и возможно ли вообще, чтобы оно зародилось в нем. Но в ответ на эти вопросы внутренний голос немедленно и твердо заявлял «нет». Иной раз, когда он глубже чувствовал сострадание к ней, или когда она мило и наивно рассказывала ему что-нибудь своим мягким голоском, у него являлось невольное побуждение приласкать

ее или взять ее за руки; но внутренняя сила удерживала его и внутренний голос предупреждал, что таким поступком он изменит своему собственному чувству; он сознавал, что любит в ней что-то неосязаемое и нежное, что сразу исчезло бы от подобного поступка. При одной только мысли об этом в момент, когда печаль или мягкосердечность придавали ее лицу мимолетную красоту, обаяние этой иллюзии прекращалось, и его охватывало смутное чувство отвращения; но в следующий же момент он стыдился его, как проявления грубой души, не понимающей духовной красоты без телесной. Эта игра чувств служила для него предметом размышления и возбуждала его любопытство.

Казалось, что Nichts замечала, когда у него появлялось желание приласкать ее, потому что лицо ее сияло в такие минуты, а когда это желание проходило, лицо ее принимало прежнее грустное выражение. Но увеличивающаяся между ними духовная близость нисколько не меняла ее отношения к нему. Она оставалась по-прежнему услужливою и робкою горничною и каждое утро являлась к нему с приветом: «Здравствуйте, хорошо ли вы спали? Могу я убрать вашу комнату?» Она никогда сама не заговаривала с ним и не выказывала ни малейшего любопытства относительно его жизни. Казалось, что она считала себя отделенной от него не столько его положением, сколько какою-то естественною, почти материальною, непреодолимою преградой. Однако в ней заметна была некоторая перемена; она стала одеваться

аккуратнее, лучше причесывалась, ходила всегда в чистом переднике и только очень редко глядела ему в глаза, точно не могла выдержать его взгляда. Когда он разговаривал с нею, она смотрела на море и внимательно следила глазами за парусными лодками, улыбаясь не ему, а парусам, точно его слова долетали к ней оттуда с моря, приносимые ветром; когда же он замолкал, она пробуждалась точно от сна и шептала: – Бедная Nichts! – как будто хотела сказать: – Все это только сон! – И в такие минуты в нем сильнее пробуждалось желание, которого он никак не мог привести в исполнение, желание взять обеими руками ее бедную голову, прижать ее к сердцу и воскликнуть десять раз с грустью и состраданием: – Бедная Nichts, бедная Nichts, бедная Nichts!

У него не хватило мужества предупредить ее о своем отъезде; он сам уложил свои вещи и утром в день отъезда стал в томительном волнении ожидать ее обычного появления, мучимый чуть ли не угрызениями совести.

В обычный час Иустина постучала в дверь, и он услышал ее мягкий голосок:

– Здравствуйте, хорошо ли вы спали?

Он ответил утвердительно и спросил по обыкновению:

– А ты, Nichts? – но не обернулся на этот раз.

– Я тоже, благодарю вас, – возразила девушка входя. – Могу я убрать...

Но она не кончила фразы – посреди комнаты стояли его чемоданы.

Прошло несколько секунд, прежде чем она могла выговорить с болезненным выражением удивления, участия и упрека:

– Как? Вы уже уезжаете?

Все, что он сказал ей в высшей степени мягко и участливо-что у него не хватило мужества предупредить ее, что он вернется в будущем году, что только из-за нее он уезжает с тяжелым чувством и никогда не забудет ее – не согнало с ее лица выражения тоски и печали. Она стояла, обернувшись к окну и устремив глаза в голубую даль.

Он был уже готов к отъезду. Носильщик пришел за его багажом. Nichts не двинулась с места, продолжая глядеть на море.

– Как я могу поблагодарить тебя, Nichts? – сказал ей молодой человек. – Ты была так добра ко мне. Желаю тебе всего, всего наилучшего, чего я мог бы пожелать только родной сестре.

Он приготовил в конверте на чай и подал его Иустине.

Она вспыхнула и отдернула руку, воскликнув возмущенным голосом:

– Ach! nein! nein! nein!

Он положил конверт в карман ее передника, но она вынула его и быстрым движением опустила его в один из его карманов, повторяя все с большею силою:

– Nein! Ни за что, ни за что, синьор!

Тогда он снял с часовой цепочки золотой брелок в виде

маленького якоря и сказал:

– Nichts, прими хоть это, сделай мне удовольствие.

Она твердо и отрицательно покачала головой.

– Nichts, – повторил молодой человек. – Это не вознаграждение, а воспоминание. Разве ты не можешь принять его? Разве ты не хочешь иметь воспоминания обо мне? Я прошу тебя.

Она, колеблясь, взяла брелок, не глядя на него, стала по-рывисто целовать его, прижала его к груди и так и застыла, глядя на море и шевеля губами, как дети, когда сдерживают слезы.

– Прощай, Nichts, – сказал молодой человек и протянул руку, чтобы положить ее девушке на голову. Она взяла его руку и поцеловала.

– Прощай! – повторил он и бросился из комнаты, а Nichts упала на стул и закрыла лицо руками.

Сколько раз во время путешествия он был готов отдать все, что угодно самого дорогого, чтобы только отогнать от себя воспоминание о жалобном, детском, душу раздирающем плаче, который он слышал, убегая из своей комнаты; это был безутешный плач бедного создания, брошенного на пустынном острове и лишённого надежды увидеть когда-либо причаливающую к берегу спасательную лодку.

Но волна жизни, снова охватившая его в большом городе скоро смыла в его памяти этот милый и грустный образ; уже через несколько дней он появлялся только изредка, как да-

лекие очертания гибнущего корабля, который несколько раз показывается из воды прежде, чем погрузиться в нее навсегда.

Только через год после этого он получил известие от одного приятеля, вернувшегося из Леванто, где он прожил две недели в этой же самой гостинице; это был молодой повеса, говоривший одинаково о самых веселых и самых печальных вещах беззаботным тоном наслаждающегося жизнью человека.

Они встретились однажды вечером на улице.

– Вот ловко! Какая удачная встреча! – сказал приятель. – Ты как раз во время попался мне. Я собирался завтра к тебе, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты рекомендовал мне хорошую гостиницу. Кроме того у меня есть поручение к тебе. Помнишь маленькую горничную, немку, Nichts? Ты, по видимому, оставил ей о себе прекрасное воспоминание, потому что когда она узнала, что мы с тобою друзья, она страшно обрадовалась и служила мне, как царственной особе. Она только и говорила со мною, что о тебе. Я должен передать тебе письмо от нее. Вот оно. (Он вытащил его из бумажника и подал ему). Это должно быть ее прощальный привет... Ты спрашиваешь, уехала ли она... Да ее уже нет, мой друг. Разве тебе не написали об этом? Нет? Хозяйка уверяла меня, что непременно напишет тебе. Известно, чего стоят такие обещания. Ну, да все равно, это к делу не относится. Воспаление легких унесло ее в одну неделю. Телеграфировали

ее родным, но они ответили, что не могут приехать, и она умерла одна в крошечной камерке пятого этажа, голой, как тюремная камера. Она так похудела, что остались только кожа да кости. В день смерти она позвала хозяйку и попросила, чтобы ей оставили на шею золотой якорь – кажется воспоминание об ее матери; она хотела унести его с собою в могилу. Потом она просила отдать мне письмо, чтобы я передал его тебе. Она должно быть была влюблена в тебя. Что же ты не читаешь письмо?

По возвращении домой молодой человек немедленно открыл конверт. Самое трогательное выражение любви, самая красноречивая мольба не вызвала бы на его глазах таких горячих слез сожаления и нежности, как эти два простых слова, написанных карандашом, крупным, нетвердым почерком посреди листа линованной бумаги:

– Бедная Nichts!